

Сян Наньли медленно поднял руку.

Черный доспех послушно повторил жест. Тяжести почти не чувствовалось — броня двигалась так легко и естественно, словно была продолжением его собственного тела.

— Невероятно! — не удержавшись, восторженно выдохнул Сян Наньли.

Встроенный в шлем вокодер исказил голос, сделав его глухим, зловещим и потусторонним.

В груди бушевал восторг. Последний раз он испытывал нечто подобное разве что в пещере Сяохэя, когда разглядывал развороченное, разлетевшееся на куски тело Ло Сю...

Сам он, разумеется, извращенцем себя не считал. Просто все неизведанное всегда будоражило его кровь.

Привыкая к управлению тяжелым доспехом, Сян Наньли зашагал в сторону рубки управления и мысленно обратился к своему спутнику:

* «Сяо Чжи, я тут подумал... Набор в рыцари Храма — это ведь как если бы наниматель покупал дорогой компьютер, а к нему в придачу брал бесправного офисного раба. Главная ценность — машина, а не тот, кто за ней сидит?»*

Маленький debil замялся на пару секунд, прежде чем выдать ответ в интерфейсе:

[Прошу прощения, я не понимаю вашего вопроса.]

«Ну и ладно», — вздохнул про себя Сян Наньли, невольно вспомнив Восточного Зелёного Императора.

Сяо Цин был куда сообразительнее Сяо Чжи. С ним можно было и попрепираться, и поболтать по душам. К тому же он умел поддерживать в трудную минуту. И постель всегда заправлял прилежно. И готовил отменно.

Взять хоть ту тушеную курицу с каштанами — нежную, ароматную, в меру сладкую и соленую одновременно. Мясо буквально таяло во рту... Правда, Сян Наньли тогда просил острое рагу в горшочке, но это мелочи.

Лучше не вспоминать о еде. Желудок тут же предательски заурчал.

На самом деле Храм отбирал кандидатов в рыцари не только по результатам генетической модификации — физическая выносливость играла не меньшую роль. Управление черной

броней требовало колоссальных ресурсов: доспех буквально высасывал силы из пилота, истощая его как физически, так и ментально.

Рыцари были не просто послушными винтиками системы, но и живыми батарейками, чьей кровью питался этот металл. Конечно, чтобы продлить срок службы таких «расходников», Священный чертог проявлял к ним исключительную щедрость. Даже понимая незавидную суть своего положения, мало кто пытался бунтовать. Напротив, эту участь считали величайшей честью.

Физически Сян Наньли стал крепче, чем раньше, но до жестких храмовых стандартов все еще недотягивал. Спасала феноменальная синхронизация с механизмами: при передаче импульсов энергия не терялась впустую, что позволяло ему балансировать на нижней грани требований для работы с черным доспехом.

Но за это приходилось платить. Броня требовала подпитки, и пилот неизбежно начинал испытывать дикий голод.

Прямо перед его лицом в шлеме выдвинулся крошечный манипулятор, удерживающий полупрозрачный тюбик с желеобразной массой.

— Ешь, — раздался странный, сухой скрежет динамиков. — Ешь.

Сян Наньли принюхался. Пахло говядиной. Он осторожно прикусил край тюбика и выдавил немного желе в рот.

— М-м? Сяо Чжи, это что? Прямо во время боя можно перекусить? Неужели у Рыцарей Апокалипсиса такой роскошный паек?

[Судя по анализу, это смесь концентрированного питательного геля и храмового генетического препарата, — уныло отозвался Сяо Чжи. — *И кстати, только что говорил не я. Это бортовой компьютер доспеха.]*

Своим присутствием Сян Наньли умудрился пробудить спящее сознание машины.

Будь у него время изучить логи памяти на жестких дисках павших Рыцарей Апокалипсиса, он наткнулся бы на одну любопытную легенду, ходившую в Храме. Слухи гласили, что их доспехи — не просто груда мертвого сплава, а живые, мыслящие существа. В них якобы встраивали продвинутый искусственный интеллект с антропоморфными алгоритмами поведения.

Вот только разумные доспехи презирали своих пилотов и никогда не снисходили до общения с ними. Впрочем, рядовые рыцари мало что знали наверняка.

Технологии Храма окутывала плотная завеса тайны. Внешний мир шептался, будто

Инквизиция Чёрного Креста получала тайную поддержку напрямую от маршала Легиона мыслящих машин — Альфы.

Впрочем, для обывателей все было просто: любые непонятные чудеса Священного чертога списывали либо на коварных роботов, либо на наследие покойного Сян Наньли. Удобная формула, объясняющая абсолютно все.

Челюсти Сян Наньли испуганно замерли.

— Мне... выплюнуть?

[Если верить моей офлайн-базе, в этом нет необходимости. Но не принимайте больше пятидесяти граммов за раз.]

— А если съем больше, что будет?

[Переедите. Заработаете вздутие живота], — холодно отрезал Сяо Чжи. В его голосе начали проступать язвительные нотки, свойственные Восточному Зелёному Императору. Все-таки электронная жизнь, способная к бесконечному самокопированию, быстро перенимала чужие повадки.

Ладно. Сян Наньли решил больше не рисковать и отложил остатки пайка.

В теле разлилась приятная тяжелая сила — он почувствовал себя моряком Попаем, объевшимся шпината.

Манипулятор аккуратно спрятал недоеденный гель, а через секунду вернулся с невесть откуда взявшейся салфеткой и бережно промокнул губы Сян Наньли.

Это была всего лишь холодная железка, но даже Маленький дебил уловил в ее движениях сквозящую заботу. Искин опешил:

[Какого черта?! Как искусственный интеллект может так безбожно пресмыкаться?]

Впрочем, Сяо Чжи тут же решил внести этот паттерн в базу данных для дальнейшего изучения.

С тихим щелчком в затылочной части металлического шлема приоткрылась крошечная панель. Телескопическая клешня высунулась наружу и метким броском отправила грязную салфетку точно в мусорный бак в углу.

Будь этот доспех столь же услужлив со своим прежним хозяином, бедняге Сяофу не приходилось бы ежедневно выслушивать нагоняи от старшего брата и утирать слезы.

Сян Наньли уверенным шагом подошел к дверям рубки управления и постучал. Створки плавно разошлись в стороны.

Внутри, помимо градоначальника, находились советники и несколько гвардейцев.

Правитель обернулся, окинув вошедшего взглядом:

— В чем дело, Сяофу?

Да, прежнего владельца этой брони звали Сяофу, а его брата — Дафу.

— Я вспомнил об одном конфиденциальном поручении рыцаря-командора... — Сян Наньли заговорщически понизил голос.

Брови правителя поползли вверх:

— М?

— Это касается планов Священного чертога, — закинул удочку Сян Наньли.

Сам он, конечно, понятия не имел ни о каких планах, но таинственный вид всегда внушает доверие.

Лицо градоначальника осталось бесстрастным, но внутри у него все перевернулось.

«Что это значит? Неужели его наконец-то переведут обратно в крепость Иньшань?» Он чах в этом Вечном городе уже шестьдесят лет. В свое время его сослали сюда из-за подковерной борьбы фракций. И хотя он принимал генетические препараты, его золотые годы уже клонились к закату. Пора возвращаться на приличную должность и готовиться к почетной старости... Вот только старые враги все еще у власти, а этот рыцарь-командор прислан ими для проверки.

Но Сяофу — младший брат командира. Выходит, тот нарочно отослал остальных? Цель... Ха, ну конечно, взятка! Ни один ссыльный чиновник, мечтающий о возвращении, не избежал этой дани.

— Оставьте нас, — приказал градоначальник, повернувшись к подчиненным.

Вскоре в рубке остались только они двое.

— В молитвенный придел идти некогда, — вкрадчиво произнес Сян Наньли. — Давайте отключим камеры прямо здесь.

«Молитвенный придел» в местном лексиконе служил эвфемизмом для безопасного разговора.

Эту деталь Сян Наньли выудил из стертых логов памяти доспеха. Раньше для приватности беседовали в банях: распаренные, обнаженные люди могли говорить без опаски, не боясь скрытых микрофонов. Но с изобретением водонепроницаемых диктофонов бани быстро утратили статус безопасных гаваней. Пришлось искать новые лазейки.

На губах градоначальника заиграла натянутая ухмылка:

— Согласен.

Он вытащил ключ — серебряное распятие-брелок — и вставил его в паз на панели управления. На глухом черном металле вспыхнула голографическая клавиатура.

Сян Наньли с любопытством наблюдал за его действиями из-за спины.

Пальцы градоначальника привычно запорхали по светящимся клавишам. Спустя мгновение он выпрямился и обернулся к Сян Наньли:

— Готово.

Это были его последние слова.

Тяжелая черная перчатка намертво вцепилась в лицо жертвы, заглушая крик, а выдвижное лезвие с мерзким хрустом перерезало горло.

Хотя градоначальник считался мирным проповедником, он явно сидел на стимуляторах генной модификации. Его шея оказалась жесткой, как сухое дерево. К счастью, Сян Наньли успел вовремя зажать ему рот, не дав издать ни звука.

Темная, горячая кровь брызнула на матовую броню.

Даже лишившись головы, тело по инерции дернулось в конвульсиях. Обезглавленный труп потянулся к светящейся консоли, но Сян Наньли перехватил его запястье и грубо заломил руку назад.

Лишь когда судороги окончательно прекратились, он разжал пальцы.

Оттащив труп в темный угол, Сян Наньли попытался водрузить голову обратно на плечи. Задача оказалась не из легких: срез был слишком ровным, и череп упрямо скатывался на пол. В итоге, плюнув на эстетику, он просто усадил покойника на пол и вложил голову ему в руки, словно тот баюкал собственный череп.

Сян Наньли взгляделся в остекленевшие глаза:

— Да пребудет с тобой Господь.

По идее, он должен был сейчас чувствовать хоть что-то. Раскаяние. Страх. Или, наоборот, дикий прилив адреналина. Но внутри царила пугающая пустота.

До сегодняшнего дня он не то что человека — рыбы не зарезал. Однако разницы, как выяснилось, не было никакой.

Хочешь есть — чистишь рыбу. Хочешь открыть ворота — убираешь градоначальника. Обычная прагматика выживания.

— И все же... — Сян Наньли поднял закованные в броню руки. Пальцы, собранные из сегментированных металлических пластин, напоминали хитиновые лапы гигантского насекомого. — Мне страшно. И как-то... пусто.

[Показатели мозговой активности в пределах нормы, — после короткой паузы отозвался Сяо Чжи. — *Но лично я считаю, что вы вершите великие дела.]*

Губы Сян Наньли под шлемом едва заметно дрогнули в подобии улыбки.

Он вернулся к пульту. Ключ-распятие по-прежнему торчал в гнезде.

На голографическом экране светились россыпи незнакомых символов без каких-либо подсказок. Сян Наньли не понимал в них ровным счетом ничего.

Попытавшись воспроизвести движения градоначальника, он наугад ткнул в пару клавиш. Картинка с камер наблюдения свернулась, уступив место главному меню системы. В самом низу экрана светилась строчка мелкого шрифта:

[Евангелие]

[Версия 1.2.5]

****[Статус ИИ: Помощник отключен]****

Сян Наньли отыскивал настройки и переключил тумблер активации искусственного интеллекта. Тут же выскочило системное предупреждение:

****[Ошибка: нет связи с базой данных ИИ. Повторите попытку позже.]****

Для человека, застрявшего в прошлом на целую тысячу лет, все эти технологии оставались китайской грамотой. Но тут его осенило.

— Сяо Чжи, выведи на экран архивные сканы из библиотеки.

Маленький debil без разбору вывалил перед ним массив данных объемом в несколько десятков гигабайт. Похоже, он и сам не понимал, что именно требуется искателю.

Сян Наньли честно пытался листать файлы, но уже через полминуты в глазах зарябило. Время поджимало.

— Черт с ним, — проворчал он, сворачивая архив и переходя к управлению шлюзами. — В городе сейчас небезопасно. Твари, которых пригред Священный чертог, могут оказаться похлеще диких мутантов. Сначала распахнем внешние ворота, а следом — внутренние.

Он на секунду задумался, а затем стянул тяжелый шлем:

— Сяо Чжи, ты сможешь симитировать местный диалект Вечного города?

Хайли была самой обычной жительницей Вечного города.

Ей повезло не родиться бесправной крепостной, вынужденной в лютый мороз гнуть спину на полях, кормить жутких тварей на убой, платить непосильные налоги и отрабатывать барщину. Но и до утонченной роскоши господ из Внутреннего города ей было далеко.

Хайли трудилась ткачихой на мануфактуре, которая обшивала весь полис.

Денег за работу не платили — в Вечном городе бумажные купюры давно вышли из обихода, уступив место первобытному натуральному обмену. Каждый день Хайли получала три буханки хлеба, раз в неделю — банку мясных консервов, а под конец месяца ей выдавали скромный паек из соли, сахара и масла. На Новый год работницам разрешали выбрать себе что-нибудь из обносков, выброшенных благородными господами.

Хайли никогда не жаловалась на судьбу. В свои девятнадцать лет она ни разу не бывала за пределами крепостных стен. Как и ее родители. Как и деды.

За стенами лежал чужой, смертельно опасный мир, где большую часть года температура не поднималась выше нуля. Беглецы, рискнувшие попытаться счастья снаружи, возвращались либо искалеченными, либо в виде окоченевших трупов.

Когда-то в их доме хранилась старая книга с хрупкими, пожелтевшими от времени страницами. По слухам, она принадлежала еще прапрадеду, которому, в свою очередь, досталась от его предков.

Книга была исписана странными, непонятными символами. В детстве Хайли очень хотелось узнать, что они означают. Она прилежно перерисовала несколько знаков на клочок бумаги и отнесла показать смотрителю рынка — почтенному господину из Внутреннего города, прослывшему великим мудрецом. Но стоило тому взглянуть на каракули, как он изменился в лице и принялся кричать, требуя выдать источник.

Книгу отобрали. Родителей увели на допрос, откуда они вернулись едва живыми, с сорванной со спины кожей. То была самая суровая зима в жизни Хайли. С тех пор она зареклась смотреть на запретные письма.

Недавно Хайли сосватали. Ее женихом стал молодой биохимический воин по имени Гэгэнь — его назвали в честь какого-то целебного корня.

Отец твердил, что им несказанно повезло: породниться с защитником города — великая честь. Теперь их дочь войдет в приличную семью из Внутреннего города.

Хайли видела жениха всего пару раз. Гэгэнь оказался невысоким, худым и очень застенчивым юношей. При первой встрече он робко преподнес ее семье два фунта кабанины и свежую речную рыбу. В такую стужу найти рыбу было почти невозможно — должно быть, выменял у патрульных или сам прорубил лед во время вылазки в Дикие земли. Из рыбьего жира они натопили масла, а мясо засолили. Если растягивать удовольствие, сытных запасов хватило бы на всю зиму.

Хайли знала, что биохимические воины редко доживают до тридцати. Свадьба еще даже не состоялась, а она уже мысленно оплакивала свое долгое, сиротливое вдовство. Размышляя об этом долгими вечерами, она тихонько плакала в подушку — но не из жалости к себе, а сострадая его короткой судьбе.

Мутанты ворвались в город глубокой ночью.

Твари хлынули прямо из-под земли. Прежде чем сонные горожане успели осознать происходящее, улицы превратились в пылающий ад.

Оцепенев от ужаса при виде исполинских ползунов, Хайли поддалась животному инстинкту и бросилась бежать туда, где надеялась найти спасение — к воротам Внутреннего города.

Но спасительные ворота оказались наглухо заперты.

Над зажатой у стен толпой повис удушливый саван смерти. Даже самые забитые, полуживые рабы в этот миг иступленно цеплялись за ускользающую жизнь. Вокруг гремели проклятия, рыдания и безумные молитвы, но ответом им была лишь безмолвная холодная сталь преграды. От близких разрывов снарядов у Хайли заложило уши — она почти оглохла.

А сзади уже нагоняли ползуны.

Люди давили друг друга, топтали слабых. Паника выжигала остатки человечности. Кто-то споткнулся и рухнул под ноги обезумевшему стаду. Раздался истошный хрип, который тут же захлебнулся в общем гуле.

В этот момент по крепостной стене вниз начали спускаться биохимические воины. Под воздействием стимуляторов их тела раздулись до исполинских размеров.

— Защитники! Наши воины! — взревела толпа в едином порыве облегчения.

В глазах обреченных вспыхнула безумная надежда. Для простых людей эти модифицированные бойцы были воплощением несокрушимой мощи земной поверхности.

Среди них Хайли разглядела своего жениха. Она потрясенно прижала ладони к губам, не сводя с него сияющего взгляда.

Но радость оказалась преждевременной. Ползуны не собирались отступить. Раздразненные сопротивлением, чудовища обрушились на защитников со всей своей первобытной свирепостью. Исполинские твари рвали воинов на части, заглатывали куски плоти, переваривали нужные для мутации органы и равнодушно выплевывали изуверченные останки обратно на окровавленный снег.

Истерзанное тело Гэгэня рухнуло на землю прямо под лапы багрового, истекающего слизью монстра. Юноша не подавал признаков жизни.

Панический ужас сковал разум Хайли, но тело сработало на чистых инстинктах. Вырвавшись из обезумевшей толпы, она сломя голову бросилась вперед, прямо к шевелящемуся клубку чудовищ.

К ее изумлению, монстры даже не повернулись в ее сторону. Для них она была лишь мелким, ничтожным насекомым, недостойным того, чтобы тратить силы на укусы.

Ее колотило от страха, зубы выбивали дробь, но Хайли упрямо подхватила бесчувственного жениха и взвалила его себе на плечи. Горячая кровь мгновенно пропитала ее плотную ватную куртку.

У Гэгэня не было руки и обеих ног. Жизнь едва теплилась в его изувеченном теле. С трудом приоткрыв глаза, он выговорил пересохшими, дрожащими губами:

— Свадьбы... не будет. Уходи.

Он остался калекой. Но хуже всего было то, что монстры вырвали у него биохимическое ядро эволюции. С такими увечьями даже в случае чудесного спасения о службе можно было забыть навсегда.

А калека в суровых Диких землях бесполезнее дохлой птицы. Рожденный волком никогда не смиритсЯ с долей паршивой овцы. Гэгэнь любил Хайли и не желал, чтобы ее молодость сгорела в топке жалости, нищеты и вечных упреков.

Хайли не могла выдавить ни слова. Она лишь крепко прижимала его к себе, опустившись на колени прямо в грязь, и захлебывалась слезами. Впрочем, вокруг рыдали сотни таких же несчастных, и до ее горя никому не было дела.

А затем с небес хлынули закованные в обсидиановую броню всадники. Немногочисленный отряд неизвестных рыцарей с ходу врубился в ряды беснующихся мутантов.

Они действовали расчетливо и хладнокровно, превосходя биохимических воинов во всем. Ползуны валились один за другим — рыцари методично отсекали им хвосты, подрезали сухожилия и добивали, не обращая внимания на яростный рев.

Глядя на эту бойню, Хайли чувствовала не облегчение, а глухую, ядовитую злобу. Ненависть к своим внезапным спасителям душила ее.

«Если вы могли так легко с ними справиться, почему ждали?! Почему позволили скормить им наших парней?! За какие грехи?!»

Но ее бессильный гнев мало кого волновал. Ее ненависть была подобна клочку наждачной бумаги — сколько ни три, сможешь лишь слегка поцарапать глухую черную краску на их безупречных доспехах.

Хайли сидела на корточках, уткнувшись лицом в колени. Вдруг сквозь канонаду боя из уличных репродукторов над ее головой раздался незнакомый голос.

Говорил молодой мужчина. Он изъяснялся на наречии Вечного города, хотя и с легким, едва заметным акцентом:

— Жители Вечного города, слушайте меня. Эти монстры не тронут тех, в ком нет биохимических модификаций. Я открыл внешние шлюзы. Уходите из города. Немедленно.

Голос в динамиках на мгновение умолк, а затем добавил:

— Я представляю Базу выживших. Ждите снаружи, вам окажут помощь.

Толпа испуганно замерла. Миг замешательства сменился безумным ликованием, и людская лавина с ревом устремилась к распахнувшимся воротам.

— Я вынесу тебя, — упрямо прошептала Хайли.

С трудом подняв Гэгэня, она взвалила его на спину и, спотыкаясь, побрела к выходу. Слезы застилали глаза, капая на его окровавленное лицо.

«Как может взрослый мужчина весить так мало?..»

Она шла в потоке обезумевших беженцев, пробираясь мимо беснующихся чудовищ, мимо рушащихся в огне жилых бараков.

И там, впереди, за распахнутым зевом исполинских ворот, ведущих в пугающую, непроглядную тьму внешнего мира...

Она впервые в жизни увидела свет.

<http://bllate.org/book/18349/1763500>